

НА СТЫКЕ ДВУХ ПОКОЛЕНИЙ

Первой астафьевской повестью, которую я прочитал, был «Звездопад» — очень лаконичное и целомудренное повествование о солдатской любви. К тому времени я уже лично знал автора, слышал его превосходные устные рассказы о фронтовом быте.

Война в передаче из первых уст вырисовывалась совершенно по-новому, мои представления о ней были до этого во многом ошибочными. (Очевидцы рассказывали о войне не совсем так, как я слышал о ней до этого).

Виктор Астафьев, как и Евгений Носов, и Владимир Сапожников, также жившие в свое время в общежитии Литинститута, был фронтовиком, то есть человеком, знавшим войну вовсе не понаслышке. Ту самую войну, на которой сражался и погиб мой отец. Поэтому устные рассказы, дружеские споры, коллегивные воспоминания были для меня порой, может быть, важнее, чем непосредственная чисто литературная работа этих писателей.

Позднее, читая повесть «Кража», на мой взгляд, лучшую у Астафьева, я как бы имел возможность постигнуть степень правдивости астафьевской прозы. Ведь история и судьба

детдомовца Толи Мазова не только в общих чертах, но и в деталях была уже близка к моему поколению. Хотя период повести описан еще довоенный, во многих главах я узнал собственное фээзошное полудетство-полуюность. И уже совершенно близкой, проверенной на собственной практике, была атмосфера повести «Где-то гремит война...».

Так, В. Астафьев как бы связал, воссоединил для меня как читателя два поколения: фронтовое, отцовское, и мое собственное, фээзшное. Оказалось, что никакого разрыва между этими поколениями нет и не может быть...

Прозе Виктора Астафьева свойственна яркая точная и всегда свежая, не затасканная деталь. Очень характерен для В. Астафьева также и ритм, создающий то особое настроение, которым так великолепно владел классик русской литературы Иван Бунин. Обширный словарный запас, природное чувство языка, а также богатейший жизненный (в том числе и литературный) опыт, обуславливают успех астафьевской прозы как у читателей нашей страны, так и у зарубежных.